

Федерика Де Паолис

НЕСОВЕРШЕННЫЕ

© plainpicture/manuela deigert

Гимн нашему несовершенству.

Donna Moderna

Федерика Де Паолис

Несовершенные

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69209155

Несовершенные:

ISBN 978-5-00131-496-7

Аннотация

У Анны есть все – большой красивый дом со служанкой, двое прекрасных детей – мальчик и девочка, муж – известный пластический хирург, заботливый отец, владеющий престижной клиникой, и даже испанский любовник. Чего же ей не хватает, почему ей кажется, что она не проживает свою жизнь, а играет какую-то роль?

Привычная жизнь закончится в одночасье – сердечный приступ убьет отца, муж уйдет к другой, любовник окажется разочарованием... Анна потеряет все, но получит шанс обрести себя.

Содержание

1	11
2	25
3	33
4	39
5	49
6	57
7	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Федерика Де Паолис

Несовершенные

Federica De Paolis

Le Imperfette

Copyright © 2020 DeA Planeta Libri S.r.l. 2020

Published in the Russian language by arrangement with
*MalaTesta Literary Agency, Milan and ELKOST International
literary agency, Barcelona*

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

*Правовую поддержку издательства обеспечивает юриди-
ческая фирма «Корпус Права»*

© Издание на русском языке, перевод на русский язык,
оформление. Издательство «Синдбад», 2022

*Нужно возвращаться к пройденным шагам.
Повторять их, прокладывая рядом новые. Нужно
начинать путешествие заново. Всегда.
Жозе Сарамого. Путешествие в Португалию*

*Посвящается моей матери, которой я доверяю и
сознательно, и слепо*

Ветер с ревом бил в стекла, хотя буквально только что в долине, на автостраде, словно насвистывал песенку. Выходить из машины было страшно: казалось, ветром может оторвать от земли. Правое переднее колесо заблокиро-

валось. Анна включила заднюю передачу, нажала на газ, но сцепления с обледенелой дорогой так и не произошло. Двигатель ревел впустую, как на холостом ходу.

Она рывком открыла дверцу, поставила ногу на землю; велюровая балетка утонула в ледяной луже. Вынула ногу из лужи, захлопнула дверцу, огляделась. Вытряхнула подгузники Наталии из пакета и обернула ими одну ногу, промокшую, а полиэтиленовой упаковкой от подгузников – вторую. Схватила телефон, но сети не было: связь пропала, когда она начала подниматься в горы. Сердце колотилось уже бог знает сколько времени. От страха.

Она это заслужила. Будь она более внимательной, заботливой и бдительной, не оказалась бы сейчас здесь, – в чем в глубине души ни минуты не сомневалась.

Анна выбралась из машины, и ее окутало ледяным облаком. Наклонилась, увидела вывернутое колесо, застрявшее в ограждении. Мимо проехал белый пикап, и она замахала руками, закричала, подпрыгивая на месте: «Помогите!» – но ее охрипший голос канул в пустоту. Пикап скрылся за поворотом. Она побежала следом, сделала несколько неуклюжих шагов, но подъем дороги и морозный воздух не давали дышать. С пересохшим горлом она упала на колени, глядя на огни в долине и не понимая, сколько времени понадобится, чтобы добраться отсюда до гостиницы; она была не в состоянии определить расстояние. Обернувшись к своей «панде», она заметила горящие фары и пошла в обратную сторону.

Вынула ключи из замка зажигания, включила сигнализацию. Если кто-нибудь поедет мимо – решит, что машину бросили. Может, даже начнут искать водителя.

Гвидо ждет ее.

Анна накинула капюшон, сунула руки в карманы и быстрым шагом пошла вдоль обочины. От пакетов почти сразу пришлось избавиться, потому что пластик скользил по обледенелой дороге. Вдалеке послышался гул мотора, потом сделался громче, и вот показался с трудом тащившийся по дороге джип с лыжами на крыше. Анна, раскинув руки, выбежала на середину дороги под прицел дальнего света и не выходила из этого светящегося конуса, пока машина не остановилась. За рулем сидел светловолосый мужчина со стрижкой коротким ершиком и тяжелым взглядом, лыжный шарф-труба прикрывал его подбородок. Он слегка опустил стекло.

– Помогите, пожалуйста, мне нужно наверх, подвезете меня?

Мужчина склонил набок голову, и выражение его лица смягчилось. Подавшись вперед, он глянул на ее балетки.

– *Ist das Auto deins?*¹

– Что?

Анна вцепилась пальцами в стекло. Зубы стучали от холода. Мужчина, не отвечая, изучал ее. Потом, неопределенно мотнув головой, наконец разблокировал двери. Анна забра-

¹ Это твоя машина? (нем.) – Здесь и далее, если не оговорено особо, – прим. перев.

лась в машину с пассажирской стороны и, осторожно устроившись на сиденье, поблагодарила. Мужчина включил заднюю передачу и, прищурившись, тронулся.

– Куда мы? – крикнула она, но мужчина сделал ей знак молчать и бросил взгляд на заднее сиденье. Анна обернулась и увидела женщину, которая сидела, обнимая уснувшего у нее на коленях ребенка. Одна рука у него свесилась, рот приоткрылся. Мальчик лет четырех, примерно как ее сын. Анна сглотнула, чтобы не заплакать. Женщина озадаченно глядела на нее. Светлые волосы, неприметное серьезное лицо.

Мужчина продолжал ехать задом. Анна, не сдержавшись, сжала рукой его колено:

– Почему назад? Мне нужно туда, отвезите меня наверх, наверх!

– *Ist es deins?*² – спросил он, останавливаясь и указывая на ее «панду», уткнувшуюся носом в ограждение.

– Да, это моя машина, но я не могу сейчас на ней ехать! Мне надо наверх, отвезите меня туда, пожалуйста!

Она наморщила лоб, потом обернулась назад и умоляюще заглянула в глаза женщине. Та смотрела с неподдающимся расшифровке выражением, голова ребенка свесилась вниз.

– *Please, bring me up*³, – перешла она на английский, но мужчина, не слушая ее, уже потянулся открыть дверь.

– Езжайте, езжайте! – настаивала Анна, указывая на доро-

² Твоя машина? (нем.)

³ Пожалуйста, отвезите меня наверх (англ.).

гу, тыча указательным пальцем в темноту. Лицо у нее странно перекосилось; она потерла запястьем глаза. – Езжайте! – повторила она, не сдерживая слез, будто этого никто не видит.

– *Lass es uns zu den Pflanzen bringen*⁴, – послышался сзади голос женщины. И джип медленно тронулся с места.

За окном были одни лишь повороты да лед. Анна аккуратно пристегнулась и сидела прямо, не откидываясь на спинку. Мужчина раза два мельком глянул на нее, отчего она напряглась. Нестерпимо давило все – неизвестность, растерянность, *чувство вины*.

Из темноты вдруг прорезался женский голос:

– *Was ist los?*⁵

Анна, обернувшись: ребенок проснулся и лежал в позе эмбриона, наблюдая за ней. Надо бы ответить, но она не поняла смысла вопроса.

Дорога теперь шла прямо, с легким подъемом. За окном промелькнуло два домика, в сотне метров друг от друга: светящиеся окна, маняще пылающие камины. Гостиница, маленький супермаркет, аптека.

Периодически пролетал вертолет, выплескивая на снег потоки света. Позади послышалась сирена скорой помощи, и мужчина прижался к обочине. Анна поднесла руки к груди. Сердце пропустило два удара, потом еще один, и она по-

⁴ Давай доедем до тех растений (нем.).

⁵ Что случилось? (нем.)

думала, что умирает. Свет мигалки полоснул по лицу мужчины. В его взгляде читалось изумление – он действительно не понимал, что происходит. А вот она знала прекрасно. Они проследили взглядом за скорой, та остановилась в сотне метров впереди, и сирена замолкла. У Анны вырвался вздох облегчения. Она увидела конец дороги, потом подъемники, толпу людей и временное ограждение. Оранжевую ленту, за которую пускали только людей в форме. Из долины, где виднелись далекие островки густых лесов, поднимались ратраки.

– Стоп! – выкрикнула Анна, и мужчина испуганно дал по тормозам.

Распахнув дверь, она выскочила наружу и торопливо зашагала сквозь безликую толпу – лыжные маски, шапки, шарфы. В воздухе висел запах выхлопных газов и гари: машины стояли с работающими двигателями, выплевывая в атмосферу ядовитые пары. Анна запахнула пальто и приблизилась к оранжевой ленте. Нужно было срочно найти Гвидо. Она постояла, оглядывая людей, суетившихся вокруг, – казалось, у каждого здесь неотложное дело, – потом шагнула к девушке в защитной форме: «Простите...» – но та не обратила на нее внимания. Какой-то мужчина в подшлемнике оттолкнул ее, убедительно предупреждая: «Вам сюда нельзя, отойдите».

Наконец она увидела его. Гвидо. Своего мужа. В полном лыжном снаряжении его было не узнать, но выдавали характерные жесты – решительные, безапелляционные. Она бро-

силась туда, под оранжевую ленту, уже не ощущая ног в балетках, и утонула в снегу по колени. Спину резанула боль, потом ее кто-то схватил. Подняв глаза, она увидела стоявшего перед собой полицейского.

– Синьора, за ленту нельзя, – властно заявил он. – Здесь ищут двух потерявшихся детей и мать. Возвращайтесь в гостиницу.

Анна, поглядев на него секунду-другую, снова метнулась взглядом в сторону горы, туда, где она видела Гвидо. Полицейский не отступал:

– Синьора, вы слышите меня?

Растерянно обернувшись к нему, она пробормотала еле слышно:

– Это я мать, пропустите меня.

1

Новое назначение Гвидо в клинике Сант-Орсола праздновали в тот самый день, когда отступило чувство вины. Анна мало что запомнила с той вечеринки. Не потому, что много времени прошло: нет, всего два месяца. Дело в том, что в то утро они с Хавьером занимались любовью. Торопливо, хватая ртом воздух, точно воришки. И потом она снова и снова прокручивала все в голове, вспоминала жесты, смаковала подробности. Ей казалось, что измена читается у нее на лице. Ее первая измена. И поэтому она почти весь вечер провела в молчании. Но заметил это лишь ее отец, Аттилио.

– Все хорошо, Анна? – протягивая ей бокал шампанского, спросил он, мягко поглядывая на нее из-под громадных кустистых седых бровей.

В воздухе пахло сладким. Праздновали в саду, во внутреннем дворе клиники. Особняк сороковых годов – декантский, очаровательный, по периметру полоса гравия, вокруг пальмы и олеандры. Газовые «грибки», расставленные для обогрева, утягивали вверх сладкие ароматы. На круглых столиках стояли орхидеи, свечи, белое вино. Присутствовали врачи, медсестры, персонал, клиенты и, разумеется, новый главврач: ее муж Гвидо. В синем костюме в тонкую белую полоску, в пурпурном галстуке с крупным узлом, он по-хозяйски переходил от столика к столику, торжественно

приветствуя гостей, точно созвал их на свадьбу. Квадратный подбородок, римский нос, большие зоркие глаза, изящные движения. Но Анну его привлекательная внешность больше не цепляла. Взаимное влечение проржавело, интерес истощился; теперь это был просто ее муж, хотя когда-то она смотрела на него будто зачарованная, и в особенности на подобных мероприятиях. Ей льстила мысль, что мужа ценят, что он великолепный хирург и настоящий профессионал. В точности как ее отец, на которого молились толпы женщин. И дело не столько в престиже, сколько в ощущении, что в этом «принце» она словно вновь обрела Аттилио. Эдиповы чувства направляли ее жизнь, точно дополнительная – неконтролируемая – мышца.

Гвидо бросил на нее заговорщический взгляд, одновременно протягивая бокал эффектной брюнетке. Скорее всего, намеренно, желая приободрить и успокоить, в чем она, в общем-то, как раз нуждалась. Анна ответила привычной улыбкой – но без привычной благодарности. Нет, сейчас забота мужа только угнетала, потому что утренние события представлялись ей катастрофой вселенского масштаба. Она словно ощутила, как бьется сердце Гвидо: идеально ровный ритм, по метроному. Отметила его неискреннюю улыбку – шаблонную, проверенную. Узнала эту стандартно приподнятую правую бровь, этот сверхбольстительный взгляд. И почувствовала какую-то странную, непривычную нежность к нему, будто к ребенку.

Когда она перестала любить его? И почему? Влечение сменилось привычкой, любопытство – равнодушием, она больше не слушала его, а просто регистрировала сказанное. Бывает так, что любовь постепенно угасает, и процесс сей, увы, необратим. Но Анна об этом не знала – и не понимала, почему вдруг оказалась в постели с другим.

Чтобы не смотреть на мужа, она под села к Джильоле Капотонди – старушке за восемьдесят, которая больше тридцати лет проработала в администрации и считалась другом семьи. Аттилио неоднократно оперировал ее, делал подтяжки и липосакции.

– Как детишки? – спросила одетая в лисью шубку медового цвета Джильола.

– Хорошо, спасибо, – промямлила Анна, и в желудок словно вонзилась игла.

Мысль о детях мучила ее больше всего. Когда днем она вернулась домой переодеться, то сразу побежала в душ – а не бросилась к ним, как всегда. Воровато проскользнула в свою спальню. Такого еще ни разу не было. Казалось, вода смоеет ее грех, нейтрализует этот влажный, непристойный запах, вернет ее к реальной жизни. Но в уме завертелись образы, мысли – и некоторые подробности невозможно было выкинуть из головы. Мелькнувшая лодыжка; подмышки, похожие на колючие бутоны; напряженный пресс. Она оглядела себя обнаженную в зеркале ванной, пытаясь оценить свое тело глазами Хавьера. Втянула живот: нужно похудеть, причем

срочно, – две беременности не прошли бесследно. Но Хавьер зарывался в ее живот лицом, щекотал языком пупок, сжимал мягкие бедра.

Одеваясь, она ощутила дикое возбуждение. От постоянной прокрутки подробностей их торопливое совокупление раздулось до гигантских масштабов, и даже движения замедлились, стали преувеличенными. Анна схватилась за промежность, запирая охватившее ее желание. Заталкивая его обратно. И потом пошла к детям. Наталия сидела в манеже, Габриеле возводил башню из деревянных кубиков. Филиппинка Кора вытирала пыль с этажерки. Анна, стоя на пороге, поздоровалась. С тех пор как родились дети, она все время чувствовала себя какой-то виноватой, опоздавшей, неуместной. И не понимала почему. Сначала – единственная дочь, потом – молодая жена. Всю жизнь она заботилась лишь о себе, и на Гвидо до рождения детей тоже не тратилась ни морально, ни физически. Счастливое было время: она всегда чувствовала себя на своем месте. Жизнь соответствовала ее желаниям – простым, земным, без особых претензий. А с появлением детей она вдруг словно бы стала делать все не так. Очевидно, ответственность за двух малышек оказалась для нее чрезмерной. Каждую секунду, посвященную себе лично, она прямо-таки отрывала от детей, ощущая себя неправой или даже преступной. Завтрак, душ, разговор с подругой по телефону – все совершалось с молниеносной быстротой. Возвращаясь домой, она неслась обнять детей прямо в паль-

то и с сумкой на плече, подхватывала Наталию, зарывалась носом в тонкий и мягкий, благоухающий карамелью пушок на ее голове, а с Габриеле здоровалась по-эскимосски – терлась носом о его носик не менее пяти раз. Присутствие детей приглушало тревогу, ими же и порождаемую. Парадокс – однако она жила в его плену.

В тот день, впрочем, одна только мысль о том, чтобы прикоснуться к детям, была невыносима. Словно невидимая линия отгородила вход в комнату, такую чистую и незапятнанную. К горлу подкатил комок, пережимая дыхание. Казалось, именно их она предала в первую очередь. Именно детей, которые даже не протестовали, когда она ушла, а взамен получили лишь страдание.

Вопрос Джильолы так глубоко унес ее в свои мысли, что вынырнула она где-то на середине ее рассказа:

– Я предлагала шардоне, но твой отец всегда все хочет сделать с размахом.

Подошел Гвидо:

– Анна, ты пришла! Здорово мы тут все устроили?

С ним была молодая блондинка, державшаяся на шаг позади. Тонкая, элегантная, с гривой кудрей, в туфлях на шпильках.

– Волшебно! – вставила Джильола. – Будто май на дворе.

– Я подумал, на улице лучше будет. Твой отец одобрил.

– Потрясающе, – выдавила Анна.

Блондинка шагнула вперед, и Гвидо представил ее:

– Анна, это Мария Соле Мели, наш новый бизнес-ассистент.

– Добрый вечер, синьора.

– Очень приятно, – отозвалась Анна.

Она протянула руку, и та, опустив глаза, решительно ее пожала и скользнула обратно за спину Гвидо, а он уже повернулся поприветствовать архитектора Казати, с которым мечтал отреставрировать Сант-Орсолу.

С тех пор как Аттилио перестал оперировать, Гвидо вечно отсутствовал. И не только физически. Домой возвращался без сил и падал – на диван, в кресло или сразу в постель. Выходные проводил, уткнувшись в телефон: сообщения сыпались гроздьями. Он похудел, стал более энергичным, самоуверенным. Авторитарным.

В голове вдруг совершенно неконтролируемо, как урчание в кишечнике, возникла сценка из утреннего свидания: Хавьер своими сильными, узловатыми пальцами схватил ее за ягодицы: «*Bésame aquí*»⁶. Анна вскочила, не в силах сдержать волнение, ужаснувшись, что поднявшаяся в ней волна чувств выплеснется на поверхность, проявится на коже, выдаст ее. Таких слов ей еще никто не говорил. Секс с Гвидо был словно одинокая дюна в пустыне.

– Простите, я отлучусь в дамскую комнату, – пробормотала она.

Закрывшись в туалете, Анна расстегнула верхние пугови-

⁶ Поцелуй меня здесь (исп.).

цы на блузке. Она дышала с усилием. Эйфория у нее всегда опасно балансировала на грани, угрожая неприятными симптомами, и сердцебиение никак не успокаивалось. Свет в кабинке автоматически погас. Нужно было встать, чтобы активировать сенсор, но она осталась сидеть в темноте и пыталась снизить напряжение глубокими вдохами.

Выходя из кабинки, она наткнулась на Марию Соле.

– Господи!

– Простите, я вас напугала?

– Нет, я просто не ожидала... не слышала... – объясняла

Анна, страшась выдать свое волнение.

– У вас все в порядке?

Анна кивнула. На Марии Соле был жемчужно-серый костюм в стиле восьмидесятых. Ее худоба ошеломляла. Запястья тонюсенькие, золотые браслеты вот-вот соскользнут. Изначально она показалась Анне куда более привлекательной: прекрасная фигура, копна непослушных кудрей приятного теплого оттенка. Теперь она производила какое-то странное впечатление. Эта худоба, эти печальные глаза. Было в ее лице что-то знакомое. Они уже встречались раньше?

– Вы давно тут работаете? – спросила Анна, плеснув холодной водой на лоб.

– Довольно давно, да.

– И как вам, все устраивает?

– Да, все прекрасно, спасибо.

Мария Соле открыла сумочку, достала блеск для губ. В

ее движениях было что-то напускное, демонстративное. Собрав волосы на затылке, она сколола их украшенной жемчужиной и лучиками бриллиантов шпилькой, которая тут же утонула в этой копне. На ее шее спереди Анна заметила тонкий шрам и все пыталась вспомнить, где они могли пересечься. В клинику она не заглядывала с лета, а Мария Соле, очевидно, не водила знакомства ни с кем из ее окружения, так как была лет на десять моложе.

– Простите, мы уже встречались?

– Конечно, нет. То есть, я бы вас запомнила. – Мария Соле тряхнула головой, и кудри легли на спину. Взгляд был уже не печальный, а немного испуганный.

Анна поправила челку, глядя в зеркало. Кажется, ее карие глаза сегодня особенно сияют, и причина ей известна. Это все секс – закатился в грудную клетку стробоскопическим шаром и теперь освещает ее изнутри. Она провела пальцами по губам, застегнула раскрывшийся замочек на золотом колечке в ухе. Распахнула входную дверь, и Мария Соле с улыбкой проскользнула вперед. Да, тощая как скелет, – и все же Анна бы многое отдала, чтобы так похудеть. После родов она все время чувствовала голод, нервный голод, порожденный скукой и бесконечной чередой дней-близнецов, заполненных возней с детьми. И еда их тут тоже виновата: Анна полдничала вместе с ними, доедала яблоки, обсасывала кукурузные кочерыжки, выскребала остатки детского питания, а поначалу даже допивала молочные смеси.

Вернувшись в сад, она увидела Гвидо, который развлекал группу женщин – состоятельных, разного возраста, они галдели, хохотали, беспрерывно чокались и были уже навеселе. Пациентки клиники вызывали у нее отвращение. «Женщины-несовершенства», как называл их муж. И в этом прозвище ощущался уничижительный оттенок. Хотя Гвидо и любил свою работу, но в глубине души все-таки немного презирал тех, кто прибегает к помощи хирургов. Аттилио относился к этому по-другому: все женщины несовершенны по определению и все ищут способ исправиться, причем не только в плане внешности – то есть некое беспокойство души побуждает их всегда стремиться к улучшению, и весь женский пол обречен на вечный поиск, на непрерывное движение. При виде отца, осторожно пробиравшегося к их столику, Анна быстро осушила еще бокал, на этот раз – красного. Легкое опьянение отодвинуло все на второй план. Джильола все еще сидела рядом. Молча прихлебывала виски и наблюдала. Аттилио подсел к ним за столик.

– Джильола, дорогая, как дела? – прошелестел он, скользнув губами по ее руке.

– Скука смертная.

– А ты, солнышко? Тоже скучаешь? – обратился он к Анне с бесконечной нежностью в голосе.

Его добрые глаза напомнили глаза Наталии, таким же взглядом дочь сегодня провожала уходящую из дома маму. Она и детей предала, и своего отца – больше даже, чем мужа.

Аттилио душу свою вложил в этот брак, все сделал, чтобы Анна была счастлива. Она его дочь, а дочь идеального мужчины не должна делать некоторых вещей. И до сих пор все так и было. Ни разу в жизни она не предала ни одного мужчины – а тут мужа... с каким-то незнакомцем...

– Совсем нет, папа, наоборот. И вино это чудесное.

– А я вот до смерти устал, – ответил отец, удобно устранившись между двумя женщинами и вытягивая ноги под столом. В синем блейзере с золотыми пуговицами он больше походил на адмирала, чем на хирурга, да и его молочно-белая шевелюра еще усиливала это сходство.

– А наша блондиночка старается вовсю. Она сегодня явно на высоте. Смотри, как щебечет, – заметила Джильола, указывая на Марию Соле пальцем с броским кольцом в виде блестящего кораллового краба.

– Да, сегодня она хороша, – отозвался Аттилио.

– Да, сегодня она хороша, – передразнила Джильола низким голосом.

– Какая ты вредная. Ревнивая и вредная.

Анна наблюдала их взаимный обмен колкостями. «Блондиночка» стояла, опираясь на спинку стула: должно быть, тяжело на таких шпильках.

– А чем конкретно она занимается? – выдавила она, пугаясь вновь замелькавших перед глазами сцен с Хавьером.

– Облизывает клиенток, – ответила Джильола, прихлебывая очередной «Джек Дэниелс».

– Она их консультирует, рассказывает про наши программы, про постоперационный период, ведет пациентов в стационаре. Прошла в Лондоне специализированный курс по новым направлениям в эстетической медицине. Гвидо хочет открыть новое отделение. И правильно, потому что будущее нашего бизнеса – вот в этом: гиалуронка, ботулотоксин, криолиполиз, мини-лифтинг, – объяснил Аттилио.

– А по-моему, не надо ничего вам открывать. Клиентки могут не понять. Мы тут хирургией занимаемся, а не эпиляцией.

– Ты даже не представляешь, дорогая моя Джильола, сколько можно заработать на эпиляции.

– А она раньше работала в салоне красоты? – спросила Анна, не сомневаясь, что уже где-то встречала Марию Соле.

– Да что ты, милая! Она профессионал, такая умница. Располагающая, убедительная, внушает людям доверие.

– Она неплохо лижет зады, – подытожила Джильола.

Анна улыбнулась. Эти двое вечно пререкались словно престарелые супруги, каждый в своем неизменном амплуа. Мария Соле теперь беседовала с какой-то брюнеткой, которая показывала на свой нос. Она накинула на плечи тренч песочного цвета, и уверенность Анны в том, что она уже видела ее раньше, только возросла. Она попыталась наложить ее, точно переводную картинку, на различные ситуации. Супермаркет. Гостиная приятельницы. Пилатес. Аптека. Парк. А, вот оно! Наверно, видела ее в парке, в этом песочном тренче.

В тот дальний парк она прошлым летом водила детей, когда Кора на месяц вернулась к себе на Филиппины отдохнуть. Неожиданно нагрянула жара, и они стали ходить туда на озеро. Анна брала с собой остатки хлеба, и дети бросали его через заборчик уткам, которые дрались за каждую крошку. Габриеле глядел на этих уток словно зачарованный, не мог от них глаз оторвать. Наталия только-только начала ходить. Анна поддерживала ее под руки, и они делали по десять-двадцать-тридцать шагов. Однажды малышка очень решительно бросилась за голубем: характер у нее твердый, несгибаемый, она падала и вновь поднималась как ни в чем не бывало. Железная маленькая леди. Прошло, наверное, минуты две, максимум три. Когда Анна наконец привела ее обратно к озеру, Габриеле не было. Она ясно помнила, как тогда растерялась, как сканировала взглядом посетителей, по большей части перуанцев (видимо, посещавших находящуюся поблизости церковь). Все на одно лицо, у всех одни и те же черты. На секунду она словно провалилась в бездну. Видимо, от страха в голове у нее совсем помутнело, потому что на самом деле Габриеле ушел недалеко: стоял на коленках у столетнего дерева, разглядывая что-то на земле. Рядом, сравнившись с ним по высоте, сидела на корточках женщина. Анна подхватила Наталию на руки и побежала к ним. Задышавшись, она поблагодарила женщину, а та, едва улыбнувшись, вскочила на ноги, повернулась и ушла. А Анна обхватила сына в таком смятении, будто не видела несколько дней.

Могла это быть Мария Соле – тогда, в парке? Они пересеклись глазами на несколько мгновений, но не лицо казалось знакомым, а, скорее, фигура. Анна глядела ей вслед и удивлялась – как так, ни слова не сказала? С другой стороны, хоть это и редкий типаж – худая кудрявая блондинка, – но такие женщины все словно на одно лицо.

– Пойдем? – спросил отец, тяжело поднимаясь со стула.

– Подвезти тебя, папа?

Они подошли к Гвидо, беседовавшему с распорядителем кейтеринга.

– Я уже вымотался, – прошептал он ей, почти не разжимая губ. – Скорей бы кончилось.

Аттилио поднял руку, прощаясь с Марией Соле. Та как-то по-армейски вытянулась и, увязая каблуками в гравии, подошла к ним.

– Доброй ночи, доктор, – произнесла она и протянула руку Анне: – Доброй ночи, синьора.

– Кажется, я вспомнила, где мы виделись, – начала Анна, округляя глаза и пристально глядя на Марию Соле. – В июле, в парке рядом с зоопарком, я... – Она запнулась, не желая упоминать при отце и муже, что потеряла сына, пусть и всего лишь на минутку.

– Не может быть, синьора. Меня в июле не было в городе, – ответила та.

Ее голос прозвучал без тени сомнения, и Анна подумала, что ошиблась. Однако что-то в тоне Марии Соле ее все же

беспокоило. Хотя, может, это просто из-за слова «синьора», которое Анна за вечер наслушалась сверх меры и от которого ее уже сегодня передергивало?

2

За то время, что Анна встречалась с Хавьером, ее мироощущение изменилось. Фоновая тревога, изводившая ее целыми днями, рассосалась. Так же как и ее помешанность на четком следовании определенным ритуалам. Все теперь стало проще, живее, *нормальной*. Она больше не страдала от того, что Гвидо вечно на работе. И не мучилась от неконтролируемой ревности, заставлявшей ее постоянно быть начеку со смутным ощущением, что их брак висит на волоске. Вся ее неуверенность исчезла, и она стала такой, какой была раньше. Когда именно? До рождения детей. Это они сделали ее столь уязвимой. Но теперь она чувствовала себя лучше. Всего за три недели похудела на четыре килограмма; желудок не напоминал больше бездонную яму, и, главное, появилась легкость – не только физическая, но и ментальная. Она потеряла ключи от дома, не сходила в ателье забрать пошитые шторы, забыла перевести зарплату Коре. А еще решила помогать Валентине в шоуруме, где продавались сумки, ожерелья, кашемировые носки – всё ручной работы. Появился повод лишний раз уйти из дома, от душившей ее обыденности. Шоурум находился в пешей доступности, она ходила туда утром по субботам и получала десять процентов от выручки, то есть почти ничего. Вдобавок она стала вести страницу одной приятельницы – делала снимки, выкладывала их со все-

ми необходимыми хештегами. Постепенно вошла во вкус, и получалось хорошо. Она жила с удовольствием. Разговаривала мало, не откровенничала с покупательницами: нужно было сохранять осторожность, потому что некоторые из них посещали клинику. Матери, жены, сестры, любовницы, работающие и неработающие, состоятельные и не очень. Всегда чем-то озабочены, взвинчены, словно пытаются угнаться за всем сразу. Да, они и впрямь несовершенно, как говорит ее муж, но не потому, что им требуется исправить дефект внешности или продлить молодость, а скорее потому, что они стремятся к некой недостижимой завершенности. Анна слушала их болтовню, эти женские групповые обсуждения, разворачивавшиеся в увешанной зеркалами комнате, где они разглядывали себя, сверкая жемчугами и заполняя словами пространство. Были там и сплетни, и признания, и смех, и слезы. Этакое стадо. Но Анна от подобного только выигрывала – после рождения детей она очень отдалилась от всех и общалась по большей части только с Корой. С Корой, мужем и детьми. Одни посетительницы были довольны своей жизнью, другие поставили крест на карьере, или хотели путешествовать, или помешались на своем теле, или страшлись измены, или имели одного-двух любовников. Попадались и такие, кого, как и ее саму, снедало чувство вины в отношении детей.

Анна за эти недели осознала, что быть матерью не означает полностью забыть о себе. Как-то вечером, сидя дома одна

с детьми, она целый час не подходила к плачущей в кровати Наталии. Та всегда просыпалась около полуночи, и Анна успокаивала ее ромашковым чаем. Хотя девочке было уже почти два, да и педиатр предостерегал не вводить это в привычку, Анна твердо придерживалась ритуала, благодаря которому плач прекращался и ее беспокойная дочурка умиротворенно засыпала. Самой удивительной из всех была именно эта перемена: Анна больше не чувствовала необходимости срочно бросаться к дочери. Детский плач словно трансформировался в некий фоновый шум, к которому постепенно привыкают и уже не воспринимают как раздражитель.

Засыпала она теперь рано, не дожидаясь Гвидо, и спала долго и крепко. По утрам ощущала прилив сил. Собираясь вести Габриеле в сад, одевалась очень тщательно: она ведь встретится с Хавьером. У него была дочь Гали, одного возраста с ее сыном.

Поначалу Хавьер не привлекал ее. Он приводил дочь в сад пешком. Каждое утро Анна наблюдала, как он снимает с нее шапочку, поправляет кудри и, взяв за руку, опускается на корточки, чтобы поцеловать в лобик, – прямо как Атилио делал, когда она была маленькой. А затем он с невыразимой нежностью глядел вслед дочери. Словно от сердца ее отрывал. В самые первые дни, когда родители еще только познакомились друг с другом, они часто все вместе отправлялись в кафе. Но Хавьер всегда оставался сидеть на пороге. Замшевые мокасины на босу ногу, льняной пиджак в тонкую

полоску. На вид – совсем молоденький, прямо-таки студент. Когда Анна приходила за сыном, Хавьер был уже на месте; он всегда возвращался первым. Гали выбегала ему навстречу, а он поднимал ее в воздух и, отогнув маечку, зацеловывал ей животик, так что девочка чуть не задыхалась от смеха. Или же сажал ее на руки и кружился с ней, осыпая поцелуями. Анна, зачарованная зрелищем, иногда даже забывала поздороваться с Габриеле – просто брала его за руку и неотрывно глядела на отца с дочерью. Было в Хавьере что-то завораживающее, всепоглощающее, чего она поначалу не могла расшифровать. Его мужская энергия. Она не размышляла о том, что ее как-то странно возбуждает его манера крепко держать дочь, его неистовый взгляд и расточаемые поцелуи. Ей просто запал в душу образ молодого одинокого отца, так умилявшегося своей дочкой (Гвидо с детьми был почти холоден и часто строг), нравились их экзотические имена и выразительные взгляды, импонировало загадочное отсутствие матери. Она никогда не желала оказаться на месте Гали (хотя все же невольно идентифицировала себя с ней), никогда не мечтала, чтобы Хавьер целовал и покусывал *ее* собственный живот или зарывался в него губами так же страстно и испуленно, как он делал это с дочерью. Все случилось в один день: минимум слов, парочка подходящих случаю глупостей.

Понедельник и пятница. Такое у них получилось расписание. Анна не спрашивала почему, полагая, что в эти дни их

няня отдыхает. Знала только, что Майя, жена Хавьера, работает в продовольственной организации ООН и сюда ее направили по работе. Хавьер сидел дома: исполнял роль мамы, домохозяйки и хранителя семейного очага. Они жили рядом с садиком. Из окна спальни был виден класс, где играли дети. Район к северу от центра, новые бетонные дома с большими витражами, подстриженные деревья в огороженных квадратах земли. В тот первый раз Хавьер позвал ее на кофе и она шла рядом с ним в полной уверенности, что они направляются в кафе напротив, а потом они перешли дорогу и остановились перед калиткой. Анна растерянно улыбнулась. Это у испанцев так принято – приглашать на кофе к себе домой?

– *Nuestra casa*⁷, – сказал Хавьер.

Нам.

То, что он андалузец, она узнала уже после секса. Свой скудный рассказ – на смеси корявого итальянского с базовым английским – он вел голышом, подкрепляя слова выразительными жестами. На прикроватном столике стояла фотография Майи. Длинные волосы обрамляли лицо женщины, которую не назовешь красавицей – слишком уж высокий лоб и небольшие глаза, однако чудесная улыбка легко могла бы вскружить голову кому угодно. Они с Хавьером походили друг на друга: черные волосы, немного восточный разрез глаз, блестящая оливковая кожа. Вот только глаза у Хавьера были цвета воды в бассейнах Калифорнии. Анна долго раз-

⁷ Наш дом (*исп.*).

глядывала фото Майи – и в тот день, и потом тоже. Это лицо обладало какой-то странной притягательностью. Почему Хавьер ей изменяет? Впрочем, Анне даже нравилось, что они не откровенничают, наполняя время одной лишь любовью, смакуя ее среди этих почти безликих стен. Квартира ослепительно белая, современно обставленная, на глянцевой мебели ни пылинки. Только в комнате Гали какой-то уют: приклеенные скотчем рисунки на стенах, разноцветные куклы, голубой ковер, на краю которого они занимались любовью (она держалась за ножки детской кроватки, над которой покачивались звездочки).

Они делали это дважды или трижды. Потом возвращались в садик за детьми. Анна всегда первая. У них установилось негласное правило, что входят и выходят они по отдельности. От секса она вся размякала, в паху саднило от молочной кислоты. Хавьер врвался в нее, кусая ей губы и стискивая ягодицы. Потом она всю неделю носила на себе этот невидимый болевой покров, и не успевал он рассеяться, как сверху появлялся новый.

Анна ничего никому не рассказывала. Ее чудесный секрет не покидал пределов квартиры, из которой она часто, стоя у окна в простыне, наблюдала за Габриеле – как он играет, падает, плачет, смеется. Забирая его из садика, переживала: не чувствует ли он этот запах? Запретный, совершенно недвусмысленный и настолько заметный, что она старалась держаться от сына на расстоянии. Хавьер же исполнял свою

роль с еще большим чувством, поднимал Гали в воздух и зарывался лицом в ее каштановые кудри. Глаз от дочки не отрывал – тех самых глаз, которые еще минуту назад прожигали ее, Анну, насквозь, а теперь вообще не глядели в ее сторону, словно она стала невидимкой. Но она не обижалась, все это даже возбуждало ее. Она ничего от него не хотела, кроме, пожалуй, еще одной встречи в неделю, утром или днем. Никаких прогулок, походов в ресторан или в кино, никаких серьезных отношений. Белая квартира – вот все, что ей было нужно.

Она начала бегать в парке и больше так не убивалась над Наталией – о ней могла позаботиться Кора. Пообедав вместе с детьми, укладывала их и сама ложилась подремать, чувствуя себя обессиленной. Потом иногда вела их на прогулку.

Наступил январь, подкрахмаленный заморозками. Дважды в неделю она водила детей в бассейн. Позволяла им часами просиживать перед телевизором, против которого еще несколько недель назад так боролась; теперь же она переметнулась на их сторону. С недавних пор детям разрешалось пользоваться айфоном. Возился с ним в основном Габриеле, утопая глазами в глубинах маленького экрана. Он набирал очки, выигрывал призы, Наталия же наблюдала, не осмеливаясь играть, ей хватало успехов брата. Вечера проходили в мыслях о Хавьере.

Раз в неделю, по четвергам, она посещала занятия по кулинарии, проходившие в длинном, похожем на хлебную па-

лочку металлическом строении неподалеку от вокзала. Этот курс подарил ей Гвидо. Туда она брала такси, а после урока он сам ее забирал, и они позволяли себе провести вечер вдвоем. Гвидо нравилась одна траттория в центре, славившаяся своей пастой карбонара. Анна знала ее прекрасно: с детства бывала там с Аттилио. И вот теперь муж занял место отца в углу справа от нее, на красном диванчике с венецианскими львами. За ужином говорили мало, она часто подолгу молчала, глядя в пространство, а Гвидо не пытался вернуть ее на землю. Они были рядом, но не вместе. Единственной темой разговора становилась овощная тарелка и курица на гриле.

Скука пожирала ее жизнь. Гвидо не прикасался к ней с тех пор, как она забеременела Наталией. Первая беременность протекала тяжело, и едва он узнал о второй – стал избегать Анны. Как медик он, конечно, понимал, что такие предосторожности излишни, но заниматься с ней любовью не мог. Временами она думала, что это может быть физиологическое расстройство, а когда переставала в это верить, то просто плакала. Пыталась понять, перетерпеть: может, через месяц-другой все рассосется. Но они так и продолжали спать по краям кровати, накрывшись каждый своим одеялом. Когда Гвидо накануне важной операции оставался ночевать в клинике, она чувствовала облегчение. Засыпала моментально, лежа на боку, уносясь мыслями в квартиру напротив садика и забывая о том, что она жена и мать.

3

Как-то в ночь на понедельник она проснулась от того, что Гвидо будто бы ходит по комнате на цыпочках. Приоткрыв на секунду глаза, она заметила мелькнувшую в дверях тень. И почти сразу же ей в глаза ударил свет мобильного. Гвидо стоял рядом, у ее тумбочки. Не успев осмыслить увиденное, она снова провалилась в сон.

Проснувшись утром, она увидела, что Гвидо уже полностью одет, побрит, причесан на косой пробор. В воздухе плыл аромат лосьона после бритья, из ванной падал слабый свет. Она взглянула на часы: семь. Понедельник. Кора уже должна была разбудить ее, принести завтрак и заняться Габриеле! Анна резко села в постели:

– А где Кора?

– Я не знаю.

Анна схватила мобильник и увидела сообщение: домработница извинялась, что опаздывает.

– О боже! – воскликнула она.

– Что такое?

– Кора приедет только в полдевятого!

– Ну и что страшного?

– Мне надо отвести Габриеле!

– Ну это все-таки садик, а не школа. Ничего не случится, если опоздаете.

– Да, конечно.

– Ну ладно, тогда я пошел. – Гвидо стремительно вскочил, точно его подбросило пружиной, и вышел.

Под душем Анна подумала, что теперь они точно опоздают. Надо взять с собой Наталию, воспитательница наверняка сможет присмотреть за ней пару часов.

Она вошла в детскую, подняла жалюзи и принялась одевать детей прямо в кроватках, стараясь делать все быстро. Наталия заплакала: она привыкла к своей утренней бутылочке теплого молока, которую пила под одеялом, а тут ее вдруг поставили раздетую перед этими перекладами. У Анны все никак не получалось найти хлопковые маечки, попадались одни шерстяные, на мороз. В итоге она все же взяла шерстяную, потом натянула на дочь футболку, свитер и вельветовые брючки.

Посадив детей в гостиной перед телевизором, Анна поставила на стол печенье и побежала собираться сама, не имея понятия, что ей надеть. Для своих тайных свиданий она всегда подбирала что-нибудь особенное, стараясь выглядеть как можно привлекательней: например, обтягивающий свитер из ангоры. Но этим утром ей попадались лишь старые футболки, дырявые трусы и непарные носки. Сдавшись, она влезла в джинсы и балетки на босу ногу, понимая, что промерзнет до костей. Потом вернулась в гостиную и надела на детей пальтишки; те, уставившись с полуоткрытыми ртами в телевизор, едва обратили на это внимание. И снова метнулась в

ванную: крем, пудра, немного туши для ресниц. Подхватив с тумбочки мобильник, она удивилась, что зарядка вынута из розетки. Это Гвидо сделал? Потом нашла сумочку, ключи и увидела, что Наталия своей пока еще неуклюжей походкой, придерживаясь за стену, вышла исследовать коридор. И в ту же секунду поняла, что ее нельзя будет оставить в саду. Дочь ни за что не согласится, начнет кричать, плакать. На глазах у Хавьера. А он не в курсе, что у нее есть еще один ребенок. И пока не должен знать. Ей не стыдно перед Хавьером, и чувство вины уже примолкло, но все же ей было бы очень неприятно, узнай он, что у нее такая маленькая дочь. Она бы чувствовала себя проституткой. Пусть и дальше думает, что каждый из них предаст ровно двоих: супруга (супругу) и ребенка.

Анна сняла с дочери пальто, отвела ее на кухню и, усадив на стульчик, вручила бутылочку. И вдруг заплакала – резко, нервно, хватая ртом воздух. Когда наконец приехала Кора, было уже без четверти девять. Габриеле валялся на полу. Анна вскочила, потянула его за руку:

– Давай, пошли!

Она вся вспотела, волосы были мокрые, на лбу выступили капли пота. Не здороваясь с Корой, она натянула на сына флисовую шапочку с ушами, вылетела на улицу, пристегнула Габриеле с детскому сиденью и тронулась в сторону садика. Машины еле ползли – ливень хлестал наискось не переставая, парализуя движение. Пробка сводила с ума, заставляла

ее то и дело сигналить машине впереди, остановившейся на красный свет.

– Мама?

– Что такое?

Габриеле не отвечал, лишь повторял: «Мама, мама». Когда они доехали, Анна побежала к входу, таща сына за собой. Хавьера не было. Задышавшись, она постучалась в дверь группы и с натянутой улыбкой пробормотала:

– Вот и мы, извините за опоздание.

Воспитательница присела на корточки:

– Габри, здравствуй!

Габриеле прижался к материнским ногам и, ухватившись за ее колено, захныкал.

– Габри,пусти меня! – резко бросила Анна.

– Иди сюда, Габри, – звала воспитательница с ангельской улыбкой, протянув к Габриеле руки.

Анна резко высвободила ногу и, тут же устыдившись, тоже присела на корточки и сняла с сына шапочку. Глаза его были полны грусти.

– Сыночек, иди, я вернусь через пару часов, все будет хорошо, – заговорила она.

– Нет! – запротестовал Габриеле. Он уже не хныкал, слезы просто катились по щекам.

– Мне нужно к врачу, я уже опаздываю, – соврала Анна.

– Габри, пойдём-ка строить башню.

– Нет!

– Пожалуйста, Габри! – попросила Анна, вытирая ему лицо рукавом.

– Мама.

– Ну что ты, дорогой, что ты?

Воспитательница умудрилась одновременно открыть дверь и придержать Габриеле, и Анна бросилась прочь. Вслед ей неслись набиравшие громкость крики сына. Выбежав из здания, она взглянула вверх, на окно. Хавьер был там, ждал ее. С непоколебимой уверенностью.

Не глядя по сторонам, она торопливо перебежала дорогу. Окоченевшие в балетках ноги проваливались в грязные лужи. Калитка открылась сама; Анна, не вызывая лифт, полетела вверх по ступенькам. Обычно ее нервозность была связана с детьми – когда она торопилась домой, или в парке смотрела, как бы с ними чего не случилось, или чувствовала вину за долгое отсутствие. Теперь же тревогу вызывало стремление отделаться от детей и страх потерять свободу. И чем выше она поднималась, тем сильнее ее трясло. Увидев Хавьера в дверях квартиры, взглянув в его полные ожидания глаза, она поняла, что и он испытывает нечто подобное. Мысль о том, что встреча может сорваться, повергла в смятение обоих. Вызвала один и тот же страх.

Хавьер даже не снял с нее пальто. Закрыв дверь и овладел ею прямо у входа. Наконец время стало замедляться. Хавьер остановился, замер, словно охраняя некое заветное спасительное пространство. Их секс всегда был вдумчивый,

неспешный, хоть и сумасшедший. Они растягивали удовольствие не торопясь.

Анна прижала его к себе, перевела дух и прошептала на ухо:

– У меня есть еще дочка, девочка, Наталия, ей два годика, я поэтому опоздала.

4

Аттилио вызвал ее подписать *кое-какие бумаги*. Договорились встретиться у семейного нотариуса, Леопольдо Вассалли. Анна, затянутая в голубое пальто, сидела на обитой парчой кушетке и сквозь солнечные очки разглядывала помпезный коридор с римскими статуями, расставленными через равные промежутки. Догадался ли отец, что происходит в ее жизни? Это не рассеянный и отстраненный Гвидо; отец слишком внимателен, знает ее как облупленную, ощущает малейшие перемены настроения, читает язык тела.

Аттилио опоздал на десять минут. Поцеловал ее в лоб:

– Все хорошо, милая?

– Хорошо, папа.

Нотариус пригласил их в тесный кабинет с секретером красного дерева и полками с рядами томов по юриспруденции с бордовыми корешками. Свет шел лишь от маленькой зеленой лампы, – казалось, наступила ночь.

– А ты похудела, – отметил отец, глядя, как она выскальзывает из пальто.

– У тебя цветущий вид, Анна, – вставил нотариус и, водрузив на нос очки, принялся за чтение.

Аттилио погладил ее по коленке.

– Скажите мне наконец, зачем мы собрались? – спросила она и, узнав, что отец хочет завещать свою квартиру внукам,

удивилась: – Зачем, папа?

– Иначе, если что-то случится, налог на наследство будет астрономический. Это наше семейное имущество. Что ты станешь с ней делать? Продавать?

– Нет, конечно.

– Переселяйтесь туда, солнышко.

Отцу уже семьдесят девять; понятно, почему он об этом заговорил. Анна мыслями перенеслась в роскошную, отделанную каррарским мрамором квартиру, где ее вырастил отец. Ее мать, Урсула умерла, когда Анне было два года. Она сама обнаружила тело (отец в ту ночь оперировал) и, постояв какое-то время рядом, вернулась к себе в комнату. До шести лет она не переступала порог родительской спальни, потом стала иногда туда заходить. Она любила этот дом, однако совершенно не видела себя в его огромных пространствах вместе с мужем и детьми, хотя время от времени все же лелеяла эту мысль, представляя, как Наталия растет в ее бывшей спальне с видом на абрикосовое дерево. Эта комната сейчас казалась ей печальной и заброшенной. Как примириться с тем, что отец может умереть?

Выйдя на улицу, они оказались в потоке слепящего яркого света.

– Выпьем кофе? – спросил Аттилио, пряча подбородок в шарф.

– Мне надо бежать, Габриеле в час уже заканчивает.

– Как у вас дела?

– Хорошо, папа, все хорошо.

– Гвидо совсем заработался, знаю. Тебе нужно набраться терпения.

– Это не страшно.

– Правда?

– Я уже привыкла. – Анна улыбнулась: под делами она подразумевала *их с Хавьером* дела.

– Я заметил, что он часто в клинике ночует.

– Просто так удобней иногда.

– Да?

– Ага.

– Муж и жена всегда должны спать вместе. Совместный сон скрепляет отношения, – произнес отец, но прозвучало это не как упрек, а скорее как совет.

Аттилио, напомнив, что ждет их скоро на ужин, развернулся и медленно пошел к машине. Необыкновенно высокий рост, который и в молодости привлекал к нему внимание, сейчас еще больше бросался в глаза на фоне его длинных поскрипывающих конечностей, будто сделанных из дутого стекла.

В машине Анна снова подумала о Хавьере. Она увидит его мельком, и они, скорее всего, проигнорируют друг друга, как максимум – поздороваются, и все же в их телах – точно под воздействием некоего магнитного поля – начнет разгораться жар. Она соврала отцу. Ее жизнь наполняется ложью и недомолвками. Первая ложь – и вышло так естественно. А

с Гвидо еще проще: он ни о чем не спрашивает и сам почти не говорит.

Она вела машину медленно и осторожно, хотя уже опаздывала. Припарковалась на обычном месте, поправила волосы. Рядом с садом заметила мать одного мальчика из группы Габриеле – трехлетнего тирана, кусавшего других детей. Недавно и Габриеле досталось. Анна ненавидела его и его мамашу, которая не придавала этой ситуации значения и даже не пыталась извиниться. Вместо этого, она каждый раз настойчиво приглашала ее на идиотские мероприятия, от которых Анна ловко уклонялась.

– О, какие люди! Никак тебя не поймаю, куда ты пропала?

– Никуда. – Анна спешила, хотелось увидеть Хавьера.

– Ты прямо неуловимая! Слушай, две важные вещи есть.

Во-первых, вы придете на открытие «Фенди»? Во-вторых, сводим детей на «Фантастическую четверку»? Или им еще рано, как думаешь? Может, пойдем вместе перекусим? Знаешь, там за мечетью потрясающее заведение открылось – *Nails kids*? Пока дети играют, мы маникюр сделаем. Что скажешь?

Анна выхватила из кармана телефон и притворилась, что отвечает на звонок:

– Да, да, извините, я должна была вам перезвонить, – заговорила она, закатывая глаза и делая мамаше знак, что они потом поговорят. Вдруг из дверей вприпрыжку выбежала Гали.

– Привет! – поздоровалась она, направившись было в сторону Анны, но тут ее поймала в охапку женщина с решительным каре, маленькая, точно Дюймовочка, в сливового цвета шубке из искусственного меха. Майя.

Было слышно, как она спокойно, не повышая голоса, что-то выговаривает дочери на своем непонятном, с придыханиями, языке. Лицо строгое, суровое, ни следа той чарующей доброжелательности, что так привлекала взгляд на фотографии. От ее жесткого взгляда Анна окаменела.

Обняв дочь, Майя повела ее через дорогу. Анна по привычке посмотрела на окно: Хавьера не было. Она вошла в здание, крадучись, точно воришка. Габриеле остался последним и валялся на полу, как забытая игрушка. Воспитательница уже наводила порядок в помещении. При виде Анны сын вскочил, заулыбался, побежал ей навстречу.

Анна стиснула его в объятьях, зацеловала все лицо.

– Как все прошло сегодня? – спросила она воспитательницу; как ее зовут – Аделаида или Аида?

– Очень хорошо. Правда, Габри?

Тот не ответил.

– Отлично, – пробормотала Анна и, надевая на сына пальто, извинилась: – Прошу прощения за опоздание.

– Ничего, мы прекрасно провели время.

Мы.

– Ну и замечательно.

Они вышли на улицу, и ей захотелось еще раз взглянуть

вверх, на окно, но решила она на это, лишь когда пристегнула Габриеле к детскому сиденью, завела мотор и, выкрутив шею, начала выруливать с парковки. Вместо Хавьера в окне была Майя. Стояла с краю, скрестив на груди руки, и глядела на мир вокруг.

После третьего поворота Габриеле, убаюканный покачиванием машины, обычно засыпал, но сейчас он был слишком возбужден.

– Там сегодня мама Гали была, – бросила Анна в надежде, что из этого что-нибудь получится.

Сын как будто с головой ушел в происходящее за окном.

– Ты заметил, что сегодня папы Гали не было, а была мама?

Нет ответа.

– Габри, ты меня слышишь?

– Ага.

Анна посмотрела в зеркало заднего вида. Нет, он точно все слышал и прекрасно понял вопрос. Сердце сделало паузу, явно пропуская удар. Что она творит? Втягивает сюда сына? Нельзя заострять на этом внимание, даже вообще затрагивать тему.

Оставшуюся часть дороги она молчала. Дома поздоровалась с Корой и взяла детей с собой в кровать. Она совсем замерзла, кости словно оледенели. Все трое тут же провалились в сон.

Проснувшись, Анна еще долго грелась у батареи, зависая

в телефоне. Дети играли в магнитную рыбалку. Ловили рыбок тоненькой удочкой с магнитом на конце.

Майя в курсе, это было видно по глазам. Анна до сих пор ощущала на себе ее взгляд. Дочь поздоровалась, а она – нет. Почему? Потому что все знала. Но откуда?

В последний раз они с Хавьером говорили больше обычного. В то утро, когда оба перенервничали, испугавшись, что встречи не будет, раздевались они постепенно. Потом Хавьер лежал голый со скрещенными ногами, а она была сверху – держала его в себе, точно жемчужину в раковине. Едва ощутимые движения, долгие вздохи.

– Мне хорошо с тобой, – сказала Анна.

– Мне...

– Что?

– Мне хорошо с тобой.

Его первые итальянские слова.

Эта их согласованность была даже круче секса. Оба понимали, что испытывают одинаковые чувства. Они были словно весы с абсолютно равным грузом на чашах. Анна говорила, он соглашался. Со всем.

– Мы должны быть осторожными.

– Да.

– Никуда не уйду из этой постели.

– Я тоже.

– Давай так.

– Давай.

Они договорились обо всем без слов. Составили соглашение. Пока такие встречи их устраивают, пропускать их нельзя ни в коем случае; здесь все вокруг – их территория: садик, дорога, парковка.

И вот теперь сюда вклинилась Майя.

У Наталии ничего не ловилось, она колотила ладошками по коробке и напряженно жевала соску. Габриеле спокойно держал удочку. Никакого контакта – сидят, словно чужие.

– Идем купаться, – предложила Анна. – Все вместе.

Габриеле, кажется, понял, заулыбался:

– Да, да!

Было еще только пять часов. Анна набрала ванну с пеной, побросала в воду уточек и блестящих голубых осьминожек. Настоящий праздник, прямо-таки вечеринка у бассейна. Средство от холода и страха. Джакузи – огромное, белое, круглое – походило на луну. Сначала туда залезла Наталия, потом Габриеле, следом Анна. Она впервые разделась на глазах у детей – раньше делала это только в спальне. В какой-то степени на это повлиял Хавьер: благодаря ему она словно сбросила с плеч свою старомодную стыдливость. За годы, проведенные вдвоем с отцом, стыд окутал ее плотной пеленой.

Она устроилась между детьми. Габриеле, похоже, был в полном восторге от пузырей. Ни разу еще они так весело не купались – обычно все происходило максимально быстро, технично. Наталия оседлала ее ногу, коснулась одной груди,

больно жала, потом принялась исследовать грудь дальше, указывая пальцем на каждую родинку.

Анна снова вспомнила Майю. Какая она маленькая и жесткая – неприятная женщина. Разглядывая в ванне свои длинные ноги, она решила, что в сравнении с Майей должна казаться Хавьеру великаншей. С него ростом, такая же долговая, с плотными мышцами. Их тела идеально подходили друг другу: та же длина и объем, те же порывы, скорости, желания. Должно быть, такая синхронность возникла из-за нехватки слов – тела искали альтернативные способы общения.

– Вы что делаете? – Гвидо возник на пороге ванной.

Стоял истуканом, что добавляло его тону суровости, и удивленно их разглядывал. Наталия резко обернулась и тут же заревела, а Габриеле едва взглянул в его сторону. Анна инстинктивно прикрылась, ощутив во всем этом – мыслях о Хавьере, разделяемой с детьми нагоде и в полном отсутствии стыда – что-то неприличное.

Гвидо молча удалился, и она заторопилась вылезти из ванны. Накинула халат, туго затянула узел на поясе, словно в наказание. Надо как-то оправдаться. Но за что? Нельзя же было оставить детей одних в ванне, они еще слишком малы. Но она все равно побежала искать мужа – в гостиную, на кухню, в спальню. Вот он, стоит спиной к двери, склонившись над ее телефоном. Проверяет ее мобильник? Но почему? Что он там ищет? Их раскрыли? Майя все узнала и ему доложила?

– Что ты делаешь? – спросила она.

Гвидо не ответил. Она вернулась к детям на дрожащих ногах, вытащила их из ванны, и только теперь из спальни донесся ответ Гвидо.

– Нам надо поговорить, Анна, – безапелляционно заявил он.

5

На пороге появилась Кора.

– Что ты тут делаешь? – удивилась Анна.

– Мне позвонил ваш супруг.

– Правда?

– Да, – вмешался Гвидо. Он так и не снял куртку. – Идем?

– Куда?

– Надо поговорить.

– Сейчас надену что-нибудь.

Анна хотела возразить, но мысль о том, что муж все узнал, делала ее покорной и податливой. Она натянула одежду, в которой выходила утром, и заметила расплывшиеся под мышками пятна пота. Взмокла из-за встречи с Майей. А теперь чувствовала себя грязной, помятой, усталой.

Они вышли, не попрощавшись с детьми, спустились по лестнице и перешли дорогу, держась друг от друга на расстоянии. Низко, по-волчьи, выл разбушевавшийся ветер. Дверцы машины захлопнулись с трудом.

– Куда мы едем? – спросила Анна, отбрасывая волосы со лба.

– Куда пожелаешь.

Гвидо не завел мотора. Прищурившись, глядел сквозь ветровое стекло, словно пытался рассмотреть что-то впереди. Он едва заметно подрагивал, лицо бледное.

– У тебя все в порядке? – выдавила Анна, страшась задавать вопросы.

– Нет, не думаю.

Анна ждала продолжения. На его лице – ни намека на злобу или ярость. Скорее печаль.

– Анна, я не знаю, как начать. – Он повернулся к ней. – Думаю, нам нужно взять паузу.

– Паузу? Это ты так пытаешься сказать, что мы должны расстаться?

Гвидо снова уставился вперед.

– Слишком многое у нас с тобой поломалось. Мы отделились, сама знаешь. Можно было бы так и тянуть всю оставшуюся жизнь – я ночую в клинике, ты занимаешься домом. Но я не согласен. Слишком мало времени прошло.

– В каком смысле мало? – Анна откинулась на сиденье.

– Мы не так уж давно женаты, а ведем себя как пенсионеры. Никакого пыла не осталось.

Он говорил в точности как некоторые женщины в шоуруме.

– Но ведь ты сам... – начала было она в свою защиту.

– Я знаю, знаю! – прервал он. – И не хочу тебя ни в чем обвинять. Дело даже не в этом, а в том, что мы продолжаем жить на автопилоте, хотя уже не любим друг друга. – Он потупил взгляд.

Его слова не вызвали никаких эмоций. Это правда, подумала она, – они уже не любят друг друга.

– Я не знаю – может, мы сошлись слишком стремительно. И, похоже, теперь с каждым днем отдаляемся все больше. Ты и сама все время где-то витаешь. Поверь, я вовсе не хочу сваливать на тебя всю вину, но ведь и ты больше не ждешь моего возвращения, ложишься спать, и... В общем, не знаю, но ты, по-моему, тоже уже перегорела. Я тебя люблю, обожаю наших детей, бесконечно уважаю твоего отца и благодарен ему за веру в меня, но сейчас я просто завален работой (кстати, есть одна вещь, которая меня тревожит в клинике, там не все гладко), а мы с тобой, как я не знаю... как манекены или зомби. Я думал, это что-то временное, пройдет, но потом понял, что ты уже постоянно в каком-то другом мире находишься. Иногда мне кажется, что у тебя депрессия... И потом... У нас, по-моему, теперь стали совсем разные интересы... А может, и всегда были... Наверное, нам слишком страсть в голову ударила, и завертелось – помолвка, свадьба, дети, а мы и не замечали, что...

Он остановился вдохнуть и все втягивал и втягивал носом воздух, словно кислород никак не доходил до легких.

– Гвидо, хватит, выдыхай!

Анна сама нарочито шумно вдохнула и выдохнула – точно ребенка учила, как нужно дышать. Гвидо повторил, и они задышали вместе. Как в медовый месяц, на занятии по дайвингу в Лос-Рокесе. Инструктором с ними работала молодая корсиканка с зубами цвета слоновой кости и блестящими сквозь маску зелеными глазами. Гвидо ей нравился, это

за километр было видно. Глаза у нее загорались всякий раз, когда он к ней обращался. Анна ее на дух не переносила. Под водой они встретили гигантского ската манту – этакий ковер-самолет, летящий со скоростью света. Инструкторша указала на ската, обращаясь исключительно к Гвидо, а потом пристегнула его к себе и потянула вперед, за этим исчезающим в темной глубине чудом. Анна тогда с ума сходила от ревности. А теперь все это казалось ужасно далеким – и не столько события, сколько чувства. Совсем выцвели. Любовь, ревность, жизненная необходимость всегда быть рядом с ним. Да, ее муж прав.

– Мне ужасно жаль, ужасно жаль... Это я виноват, это все я, – повторял Гвидо, наморщив лоб и скривив рот в пугающей гримасе. Он не плакал, хотя по лицу казалось, что он отчаянно рыдает. На последней фразе его голос был в точности как у сына, когда тот чем-то терзался.

Закрыв лицо руками, Гвидо уткнулся головой ей в колени. Анна гладила его спину, медленно, кругообразными движениями. В конце улицы елка под порывами ветра сгибалась до самой земли и тут же, словно гуттаперчевая, поднималась обратно. Такая не даст себя сломать, подумала она.

Она могла бы спать с Хавьером в своей кровати, положив ему голову на плечо. Он увидел бы ее в ночной сорочке розового шелка, отделанной кружевом, с перекрещенными на спине бретельками и разрезом на правом бедре.

Гвидо поднял голову.

– Я все поняла, – сказала она, погладив его по щеке – Ты прав, давай возьмем паузу.

Потом вышла из машины, тихо закрыла дверь и зашагала против ветра, с трудом переставляя ноги под его натиском. Шла куда глаза глядят. Будь ее воля – побежала бы сейчас к Хавьеру.

На душе была какая-то необычайная легкость. Эйфория, уже посещавшая ее раньше, перешла в хроническую форму, стала постоянным фоном. Анна чувствовала себя счастливой, и точка. Может, ее брак и разваливается, может, это разобьет отцу сердце, заставит страдать детей, но ее – нет. Она существует. Кажется, такое ощущение накрыло впервые лишь сейчас, когда она шагала по обломкам пяти лет супружеской жизни. Она станет свободной: не копией отца, не тенью мужа, не просто матерью двоих детей, не святошей.

Анна пошла быстрее. Углубляясь все дальше в переулки, разглядывала витрины. Потеряла голову перед открывшимся взору великолепием: серо-бежевая сумочка, антрацитовые брюки, узкие сапоги до колен. Небольшой бутик с неприлично высокими ценами выглядел уютно. Она зашла и увидела стену в обоях от Форназетти – с бьющими ключами в зарослях голубых пальм; бархатный пуф цвета какао; обрамленное медной цепью овальное зеркало. Позволила себе поделиться с продавщицей, что сапоги свели ее с ума и что ей очень идет эта цветастая юбка. С улыбкой склонив голову, заплатила карточкой.

Она пошла дальше, укрываясь под козырьками крыш, и нырнула в любимый винный бар Гвидо. Поставила пакеты рядом с табуретом, заказала бокал совиньона. В зеркале за барной стойкой увидела свое отражение: красивая, щеки румяные от холода. В глубине зала уселась пара – мужчина лет пятидесяти с молоденькой брюнеткой. Мужчина напомнил ей Гвидо – не внешностью, а скорее уверенностью. Костюм от портного, косой пробор, выбритое лицо. Девушка облокотилась о стол, подперла ладонями лицо и явно всю старалась удержать внимание мужчины. Удивительно красноречивы бывают некоторые позы. У Гвидо тоже есть любовница? Молоденькая, глаз с него не сводит?

Мужчина засмотрелся на Анну, и она разрешила себе по улыбаться, так, чтобы не заметила брюнетка. Поиграла в конспирацию. Вспомнились обои из магазина. Отец всегда считал, что обои клеят от бедности, а Гвидо – что от дурного вкуса. Красные обои в китайском стиле, с зонтиками, птицами феникс и золотистыми прожилками: вот что она хочет видеть у себя дома. А на кухне, пожалуй, будет стол-островок, детям наверняка понравится обедать там вместе с ней. И Кору надо попросить к ним переехать. Гвидо всегда был категорически против, даже сказал однажды: «Не разводи фамильярности». При чем тут фамильярность? К тому же теперь она будет чаще выходить, и Кора станет ей еще нужнее. В ванной, между прочим, тоже можно обои поклеить. Например, в черно-белый ромбик. Чем меньше комната, тем

больше ее украшают обои. Да, точно.

Мужчина продолжал ее разглядывать, а брюнетка жевала оливки, блуждая глазами по работам Хельмута Ньютона на стенах. Анна тоже взглянула на эти совершенные тела в выигрышном свете, на женские груди, над которыми словно в поте лица потрудился Гвидо, и ей стало смешно. Ощущая на себе неотрывный взгляд мужчины, она заказала еще бокал. Интересна ей была лишь брюнетка, ее неведение и дерзость. Любовница. Преданная, готовая пойти на все, преступная. Но в чем она виновна? «Да ни в чем», – прошептала она сама себе. Измен не существует, есть лишь пробелы, которые заполняют другие люди.

Гвидо смело поступил, заговорив первым. Если даже он и спит с кем-то еще, у него таки хватило решимости признать, что все разладилось. А она могла бы продолжать в том же духе еще долго, не задумываясь ни о чем. Теперь, благодаря кризису, у нее есть время и возможность поразмыслить, чего она сама хочет.

После третьего бокала она ушла. Вино ударило в голову: она разогрелась, подмышки вспотели, пакеты оттягивали руки. Она не знала, дома ли Гвидо, но надеялась, что нет: уже почувствовала вкус свободы.

Ветер улегся, она шла быстро, лица прохожих тонули в вечерних сумерках. Свернула в переулок, ведущий к дому. Тишину нарушало лишь шуршание листвы да отдаленный гул машин. В садике за забором скрипнул гравий, но она никого

не увидела. И вдруг пятнистая дворняжка бросилась на ограду и зарычала, сверля Анну взглядом. Собака была небольшая, но лаяла неистово и злобно. Анна отпрыгнула назад: она очень боялась собак. Как-то в детстве, на пляже, ее укусила за ногу немецкая овчарка – большой и добродушный пес, к которому она, улыбаясь, рискнула подойти. Теперь она застыла на месте. Дворняга за забором как будто чуяла ее страх и питалась им. Сколько раз Гвидо спасал ее от собак? Сколько раз, негромко и спокойно убеждая, выводил прочь от опасности? Ободряющий голос, неторопливые движения, вселяющие уверенность слова. Только сейчас она в полной мере осознала, что потеряла его. И еще долго стояла там в темноте.

6

Анна припарковалась напротив клиники. Вошла в ворота и в саду увидела Наталию и Габриеле, которые расходились друг от друга в разные стороны. Дочь улыбалась, сын смотрел в землю, наблюдая за своими шагами. Справа, упираясь локтем в ствол миндального дерева и уткнув лицо в предплечье, стояла Мария Соле и считала: «Одиннадцать, двенадцать... тринадцать!» Когда она подняла голову, Анна инстинктивно отступила назад. Затаившись за обвитой плющом железной оградой, стала наблюдать. Мария Соле, в халате и на высоченных каблуках, была покрашена не так сильно, как при первой их встрече. Тогда, на вечеринке, ее подведенные темным голубые глаза казались светлее и ярче, а теперь были невыразительно серыми. Похоже, она из тех женщин, чья красота требует чего-то кричащего: броских украшений, вызывающего макияжа, непомерно высоких каблучков. Худоба делает ее бесполой, а все эти хитрости возвращают женственность.

Наталия спряталась за мусорным баком. Габриеле сидел на скамейке, ноги болтались в воздухе. Мария Соле подошла к нему, оглядываясь по сторонам.

– А ты что не играешь? – спросила она.

Тот не ответил, сосредоточенно изучая свою наискось протянувшуюся тень.

– Хорошо, – продолжала Мария Соле, – значит, ищу только одну девочку, которая спряталась очень-очень хорошо.

С сосредоточенным лицом она крадучись двинулась вперед, осторожно переступая каблуками. Заметила Наталию, но не подала виду и стала огибать мусорный бак с другой стороны, а девочка, едва сдерживая смех и восторг, высунулась вслед за ней.

– Ку-ку! – огорошила ее из-за спины Мария Соле.

Наталия подпрыгнула и потеряла равновесие, но Мария Соле тут же подхватила ее и, поддерживая под мышки, осторожно опустила на землю и принялась щекотать. «Пуси-пуси-пуси», – приговаривала она, заливисто хохоча, и вслед за ней и малышка разразилась звонким смехом, болтая ножками и обнажив в широкой улыбке все зубки. Мария Соле, растроганная ее весельем, прижала девочку к груди, потом взяла в ладони ее голову и поцеловала прямо в губы. «Адель...» – прошептала она и снова поцеловала.

Анну передернуло. Жест выглядел нарочитым и неприличным. Эта женщина даже не помнит имени ее дочери, а позволяет себе так ее целовать! Анна направилась было к входу в здание, но тут увидела, что Мария Соле плачет. Только что смеялась, а теперь сидит на корточках и глядит на Наталию полными слез глазами, а та растерянно смотрит на нее. Дочь на автомате тоже заревела. Мария Соле, сделав над собой усилие, вытерла глаза:

– Нет-нет, милая, не плачь!

Затем попыталась улыбнуться, и Наталия вслед за ней. Выражения лиц, почти касавшихся друг друга, менялись одновременно: боль рассеялась, испарилась с их поверхности.

Мария Соле подняла девочку, усадила себе на бедро, придерживая одной рукой. Точно это ее дочь.

– Плохие слезы, кыш отсюда! – сказала она и пошла к Габриеле, который слонялся около скамейки, пиная камешки. – Ну что, пойдём? – спросила она, наклоняясь к нему.

Мальчик не отреагировал, даже головы не повернул.

– Эй, я с тобой разговариваю! – бросила она. Ее рука повисла в воздухе.

– Мария Соле, вас доктор зовет! – крикнула Лилиана, пожилая женщина-администратор, появившаяся на пороге.

– Сейчас иду! – обернулась Мария Соле.

Малышка, играя с ниткой жемчуга на ее шее, расстегнула замочек, и ожерелье упало на землю.

– Бум! – воскликнула Мария Соле.

Наталия застыла, вглядываясь в ее лицо и не понимая, сердятся на нее или шутят. Та улыбнулась, и малышка тоже:

– Бум!

– Соле, где ты там? – донесся из глубины клиники голос Гвидо.

Мария Соле поспешно опустила девочку на землю, подобрала ожерелье, одним ловким движением закрутила волосы, кончиками пальцев пригладила брови.

– Поживее, пожалуйста! – рявкнул Гвидо.

Лилиана снова выглянула из дверей:

– Пойдемте, дети, время полдника!

Она с улыбкой ждала на пороге. Габриеле как будто расслабился. Мария Соле пошла вперед, покачивая бедрами и четко печатая шаг на своих шпильках. Глядя на нее сзади, Анна окончательно уверилась, что видела ее тогда в парке.

Минуту спустя она вошла в холл, стягивая шерстяную шапочку. Голову обдало прохладой. Лилианы не было, и Анна направилась к лифту. Наверху встретила двух медсестер, они поздоровались. Свернув в коридор, увидела старшую медсестру.

– Добрый день, синьора Бернабеи! – приветствовала ее та.

– Здравствуйте, Патриция, как ваши дела?

– Все хорошо, спасибо.

– Вы моего мужа не видели?

– Нет, к сожалению.

– А детей?

– Тоже нет.

Она пошла дальше, к кабинету Гвидо. Полы сияли, отражая льющийся в окна солнечный свет.

– Можно? – Она постучала и, не дожидаясь ответа, нажала на ручку двери.

Мария Соле, закинув ногу на ногу, сидела на диванчике темно-синего бархата, стоявшего когда-то в спальне матери Анны. Гвидо был за столом. На стене за ним висел незнакомый гобелен с симметричным узором. Было жарко, как в

жилой комнате, – не похоже на кабинет врача.

Мария Соле вскочила с дивана:

– Добрый день, синьора.

– Анна, – подсказала Анна.

– Да, конечно, Анна. Как поживаете?

Анна повернулась к мужу, изучая его лицо.

– Где дети? – спросила она.

– На полдник пошли. С Лилианой.

– С вашего позволения. – Мария Соле, заложив волосы за уши, обогнула Анну и выскользнула из комнаты.

– Как ты? – спросил Гвидо.

– Хорошо, а что?

– Так, просто спросил.

– Чем дети занимались?

– Да ничем особенным, все как обычно. Были то с Лилианой, то с медсестрами.

– А отец?

– Не приходил сегодня. Кстати, наверное, надо ему позвонить.

– В субботу нужно будет обязательно поехать к нему на ужин. Тем более в прошлый раз пропустили. Я не хочу. В общем, пока лучше продолжить делать вид, что все по-прежнему.

– Конечно, согласен. – Гвидо привычным жестом ткнул ручкой в стол. – А еще я хотел тебе сообщить, что со следующей недели мне тут выделяют номер-студию с кухонным

уголком. Габриеле может спать на раскладном диване, а Наталия со мной.

– Лучше класть их вместе, так им будет спокойнее. – Анна блуждала взглядом по комнате, словно отыскивая что-то. Что именно – она сама не знала.

Гвидо взял телефонную трубку:

– Лилиана, приведете мне сюда детей?

– Я бы и сама за ними спустилась, – вставила Анна.

– Да не важно. Ну что, как дела?

– Хорошо, я же сказала.

– Да, выглядишь ты хорошо, только видно, что...

– Что?

– Похудела.

– Я килограмма три-четыре сбросила.

– Ну это немало. – Он опустил взгляд. – Ты ничего не принимаешь?

– В каком смысле?

– Ну там метамфетамин или какую-нибудь дрянь для похудения?

– Конечно, нет.

– И не надо, потому что там ужасные побочные эффекты.

– А, у тебя есть такие знакомые? – она многозначительно улыбнулась.

– Нет, – насупился он. – Да и кто бы это мог быть?

В дверь постучали.

– Войдите! – отозвался Гвидо.

Зашла Наталия, потом Габриеле. Лилиана только заглянула с улыбкой и ушла.

– Мама! – воскликнул сын и уцепился за ногу Анны. Она погладила его по голове.

– Бум! – крикнула Наталия.

– Бум, – повторила Анна, не сомневаясь, что этот «бум» относится к ожерелью.

Наталия – решительная, целеустремленная – всегда вступала в разговор с матерью, ее не смущало незнание слов. Со всем на нее не похожа, в который уже раз заметила Анна. Габриеле вдруг заревел.

– Что такое? – спросила Анна.

– Хочу домой.

– Что-то случилось?

– Эй, чемпион, что с тобой? – наклонился к нему Гвидо.

– Хочу домой. – Мальчик еще крепче прижался к ногам матери: это и был его дом.

Анна продолжала гладить его по голове, сдерживая раздражение. Сын так остро нуждался в ее присутствии, а она в последнее время все стремилась сбежать, улетучиться. Гвидо поцеловал детей, бережно и с такой любовью, какой Анна за ним не знала, и она вдруг ощутила глухое страдание, настолько мучительно осязаемое, что выплеснула его наружу вместе с кашлем. Она увидела заботу, которой вроде бы не было. Увидела распавшуюся семью.

– Пойдемте, дети, – сказала Анна, застегнув на Габриеле

пальто.

– Увидимся в пятницу, ребята! О’кей? – спросил Гвидо.

Анна подняла на него глаза. После разговора в машине им ни разу не случилось взглянуть друг другу в лицо. За эти десять дней Гвидо часто заезжал навестить детей, но она либо уходила из дома, либо сидела в своей комнате. Не хотела с ним сталкиваться. Неопределенность служила ей щитом против боли, которая почему-то еще не вышла на поверхность. Она не думала о настоящем, стараясь сохранить какое-то подобие контроля над ситуацией. Прогоняла страдание, отвлекала себя множеством разных мелочей, которые помогали ей поддерживать внутреннее равновесие. Гвидо оставил в квартире большую часть своих вещей, и расставаться они будут постепенно, это ясно, хотя ни он, ни она не говорили об этом прямо.

Гвидо подошел поцеловать ее, Анна автоматически подставила щеку и вдруг увидела на полу рядом с письменным столом жемчужное ожерелье. Ей стало нехорошо. Она закрыла глаза, потом снова кашлянула, на этот раз выталкивая боль уже из сердца.

Хавьер ни разу не упомянул о той встрече Анны с Майей, и она тоже. Их любовные свидания не слишком разбавлялись разговорами. Поначалу слова шли вперемешку с сексом, и только теперь одно стало постепенно отделяться от другого.

Несколько раз беседовали о детях. Хавьер рассказал, что Гали родилась преждевременно и у нее, вероятно, есть задержка в развитии либо легкая форма аутизма. Больше всего его беспокоило, что дочь выглядит рассеянной, погруженной в себя, не способной к общению. К удивлению Анны, рассуждал он об этом без всякой нервозности. Был в нем какой-то необыкновенный покой, живой взгляд лучился безмятежностью. Подыскивая подходящие слова, он водил своими бирюзовыми глазами по сторонам и одновременно целовал ее скулы, дыхание с ароматом аниса щекотало ей шею. Он мог часами подниматься к высшей точке наслаждения. «*Mi requeña manzana*⁸ – так он ее называл. Или *pajaro*⁹. Даже когда времени не оставалось и нужно было спешить за детьми, он одевался не торопясь, длинными гибкими руками подбирая с пола брюки.

В прошлый раз Анна опередила его всего на пять минут.

⁸ Яблочко мое (исп.).

⁹ Птичка (исп.).

Габриеле вышел с хныканьем, а Гали побежала навстречу объятьям отца. Хавьер подхватил дочь, прижал ее к себе и обернулся к Габриеле:

– *Que pasa?*¹⁰

Тот пожал плечами. Из садика они в итоге вышли все вместе. День был ясный, солнце стояло высоко в окаймленном слепяще-белыми облаками небе.

– Пикник? – непринужденно предложил Хавьер, и Анна улыбнулась.

Двинулись вдоль дороги – Хавьер с дочкой впереди, Анна с сыном позади. Она глядела, как он идет своей танцующей походкой: одна рука в кармане, другая обвивает плечи дочери. В какой-то момент он вдруг, ни с кем не советуясь, нырнул в магазин и через несколько минут вышел оттуда с пакетом в руках.

Они пересекли дорогу и зашли в небольшой местный парк, обнесенный невысоким заборчиком, с резиновым покрытием, скрипучими качелями, дорожкой из дощечек и пеньков и площадкой для мини-футбола. Дети тут же убежали играть. Анна с Хавьером уселись на скамейке и принялись за сэндвичи с ветчиной. Дети пошли по дощечкам, раскинув руки для равновесия, точно маленькие самолетики. С футбольной площадки вылетел мяч. Через секунду на сетку с той стороны навалился парень и крикнул: «Мяч!» Хавьер вскочил со скамейки, носком ботинка поднял мяч с земли,

¹⁰ Что такое? (исп.)

прокатил по себе и принялся ловко чеканить, не прекращая при этом жевать. Колено, голова, носок; резкий удар – и мяч отправился за сетку. Анна пришла в восхищение, Габриеле хлопал в ладоши.

– Черт, да ты настоящий футболист! – воскликнула она.

Хавьер кивнул в ответ.

– Что, правда? – улыбнулась Анна. – А где играешь? – Глядя на мастерство Хавьера, она переполнилась невероятной гордостью за него, в глазах сына читался такой же восторг.

– Ну, я уже не играю, – ответил тот, пожав плечами, и вернулся на скамейку.

– А, так ты уже на пенсии?

Сколько же ему тогда лет? Тридцать?

– *Claro*¹¹. – Хавьер энергично жевал, откусывая большие куски. – Гали! – Девочка бежала по тропе, раскинув руки и посматривая себе под ноги, чтобы видеть дощечки. – Гали! – снова крикнул он, на этот раз построже, потом вдруг пронзительно свистнул сквозь зубы, так что, наверное, весь город услышал.

Никакой реакции. Хавьер прошел разделявшие их четыре метра, взял дочь за руку, подвел к скамейке. Протянул ей сэндвич, и она откусила кусочек. Габриеле автоматически откусил свой; он все пялился на Хавьера, словно тот был инопланетянином. Анна даже на секунду испугалась послед-

¹¹ Точно (*исп.*).

ствий. Вдруг он расскажет отцу, что они гуляли в парке с девочкой и ее папой? Но с другой стороны, что здесь плохого?

– И давно ты перестал играть?

– *Hace dos años*¹². – Хавьер проглотил очередной кусок и рассмеялся.

Иногда он смеялся после оргазма, чем ставил ее в тупик. У нее оргазм связывался больше с печалью, нежели с радостью; с высвобождением какой-то боли. А у Хавьера, похоже, все было наоборот. Но сейчас он смеялся по-другому. Анна, смутившись, подалась к нему и спросила:

– Что смешного? Ты думаешь, я на самом деле знаю, кто ты? Но я совсем футболом не интересуюсь, я не знаю про тебя, честное слово.

– Да нет, не важно.

– Кто ты? – спросила она слегка кокетливо, потупив глаза. Вот тут уже можно было начинать пугаться последствий.

– Папа! – крикнула Гали.

– Да, я знаю, что это твой папа.

– Папа...

– *Sí, mi amor*¹³.

– *Quiero irme a casa*¹⁴.

– *Sí*.

– Ты был известным футболистом? – Анна вслед за Ха-

¹² Два года назад (исп.).

¹³ Да, милая (исп.).

¹⁴ Я хочу домой (исп.).

вьером тоже проигнорировала девочку.

Тот в ответ поднес к лицу сложенные щепоткой пальцы: чуть-чуть.

– О боже, очень известным! – воскликнула она, и они расхохотались уже вместе, в каком-то восторженном упоении, – вероятно, оттого, что были не в квартире и все вокруг было непривычным – освещение, воздух, скамейка, одежда, дети.

– Скажи, как твоя фамилия?

– Папа! – вмешалась Гали.

– *Sí, amor, dime*¹⁵.

– *Vamos a casa!*¹⁶

– Ну скажи, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! – не отставала Анна.

– *¿Y qué me das?*¹⁷

Она шепнула ему на ухо ответ. Габриеле таращился на нее во все глаза. Все они были так близки сейчас, что никто из них не чувствовал тесноты в пределах одного квадратного метра.

– *No, quiero mas*¹⁸.

– *¿Mas?* – Она расхохоталась до икоты.

– Папа!

¹⁵ Да, милая, что? (*исп.*)

¹⁶ Пошли домой! (*исп.*)

¹⁷ А что мне за это будет? (*исп.*)

¹⁸ Нет, я хочу больше (*исп.*).

– Ох, Гали! *¿Qué pasa?*¹⁹

Анна увидела мокрое пятно: девочка намочила штанишки.

Они поднялись, Хавьер взял дочь за руку, Анна с сыном пошли следом. Она подумала, что Гали, возможно, глуховата. Ее еще прежде кольнула эта мысль, когда девочка не реагировала на окрики отца. И потом, эта ее манера говорить, подавшись к собеседнику, вглядываться в его губы. Хавьер тоже имел привычку смотреть на рот Анны. И потом вливаться в него, терзая нижнюю губу до изнеможения.

Они вернулись к садику. Хавьер, таща за собой дочь, дошел с Анной до ее машины и ждал, пока она пристегнет Габриеле к детскому креслу. Когда она резко повернулась, они налетели друг на друга своими животами, потеряли равновесие, точно пьяные, разом заговорили и рассмеялись.

– Скажи свою фамилию! – упрашивала Анна.

– *¿Tu qué me das?*²⁰

– *Lo que quieres*²¹.

– Точно?

– Точно!

– Поклянись!

Она поднесла руку к груди:

– Клянусь!

¹⁹ Ну что еще? (исп.)

²⁰ А ты мне за это что? (исп.)

²¹ Все, что хочешь (исп.)

– Хуарон.

Анна глядела ему вслед, пока они с дочерью не зашли в подъезд. Габриеле уснул моментально. Она включила радио, и салон наполнила попсовая мелодия. Примитивный мотив легко, точно кубик льда, проскальзывал в уши и спускался в горло. Она попробовала подпевать – получилось. Машин на дороге почти не было. Значит, *Хуарон*.

– Хуарон, – повторила она вслух.

Он припарковалась у дома и взяла сына на руки – ножки «лягушкой», голова на мамином плече. Поднялась по лестнице, открыла дверь ключом.

Кора выглянула из кухни:

– Синьора, где вы были?

– Ш-ш-ш. – Анна, пройдя через гостиную, отнесла сына в детскую, сняла с него пальто, уложила рядом с Наталией. Два спящих ангелочка.

Кора ждала, стоя в дверях. Она уже надела куртку.

– Синьора, что случилось? Я вам столько раз звонила!

Она забыла. У нее все вылетело из головы: Кора, дочь, обещание вернуться в четверть второго.

– Я опоздала, Кора. Это недоразумение.

– Синьора, почему вы меня не предупредили?

Руки в боки, шею вытянула словно страус. Анна, чтобы не извиняться, перешла в нападение:

– Не было возможности. Ну что ты заладила, Кора?

– Что я заладила? Так не делают, синьора! Так не делают!

– Да? Ну а я сделала! – Анна, развернувшись, зашагала в спальню. Услышала, как захлопнулась дверь. Хоть раз в жизни можно себе такое позволить?

Она разулась, уселась на кровать прямо в пальто, скрепив ноги, взяла телефон и набрала в интернете: «Хавьер Хуарон». Нашелся служащий, скульптор, стоматолог и даже член управы. Футболистов – ноль. Ни одного похожего лица. Хавьера не было ни в одной соцсети.

Анна откинулась на постель. Он ее разыграл, а она и уши развесила! Она расхохоталась – с той же безудержностью, что и в парке, только уже в одиночестве.

Ей было хорошо. Хотелось увидеться еще, вне квартиры, в ресторане к примеру: приглушенный свет, аромат жаркого, позвякивание столовых приборов, бутылка хорошего красного. Вздохнув, она повернулась на живот, освободилась от пальто, скользнула рукой под брюки. Потом передумала, села и набрала фамилию и имя в другом порядке: «Хуарон Хавьер». Опять ничего. Надо и свое попробовать: Хавьер наверняка тоже ищет ее в интернете. Она ведь говорила ему свою фамилию? Говорила. В сети она именовалась супругой доктора Бернабеи и появлялась на светских мероприятиях: благотворительный аукцион, охотничий клуб, новогодняя вечеринка. Получилась везде хорошо, кроме одной фотографии. Она помнит это свое охрянное с вышитым павлином платье – где оно, интересно? Надо найти, теперь она похудела и платье сядет отлично. Прокрутив фотографии даль-

ше, она увидела Гвидо в картинной позе, прямо киноактер, потом несколько изображений отца и клиники. Вот Аттилио стоит рядом с красивой и очень элегантно блондинкой. Снимку лет двадцать, не меньше. Что он делает в сети? И самое интересное, что на следующей фотографии Аттилио стоит уже с Марией Соле. Причем абсолютно в той же позе. Прямо-таки фотошоп: один и тот же человек сейчас и двадцать лет назад. Вот снова Гвидо, незнакомый снимок. Она кликнула по нему, и вывалилась новая серия фотографий. Она прочитала: «Апрель 2018, Чикаго, Конгресс по пластической хирургии. Доктор Гвидо Бернабеи и Мария Соле Мели». У Марии Соле волосы прямые и гладкие, точно водоросли, и более темные. Красный лак на ногтях, в руках золотистая дамская сумочка. Взгляд уверенный, даже вызывающий, прямо в камеру. И фигура еще более тощая, если такое вообще возможно. И давно они с Гвидо знакомы?

Анна поднялась, прошла на кухню, поставила греться воду: она снова замерзла. Постояла, глядя в чистое лазурное небо. В голове как будто мелькнула мысль, но не оформилась. Перед глазами был Хавьер с мячом и Мария Соле, целующая ее дочь: их образы словно материализовались в кухне, пока вода в кастрюльке покрывалась рябью. Этакое необычно гибкие привидения. Анна выключила газ, взяла телефон и зашла в ленту под логином шоурума. Поискала Гвидо – ничего. Нашла Марию Соле – всего штук тридцать фотографий. Анна быстро проглядела их: довольно стан-

дартные, сепия или черно-белые или же против света. Мария Соле в бикини на тропическом пляже; Мария Соле рядом с громадной новогодней елкой; Мария Соле с котами; коты; ноги в мокасинах «Гуччи» с тегом *#shoesaddict #shoes #guccishoes*. Закат – вид на город против света, солнце-апельсин в сине-зеленом небе. Подпись: *«Protect me from what I want»*. Помидоры с моцареллой и базиликом, вид сверху, вся композиция как из книги рецептов (порция просто смешная). Подпись: *«Some days I am goddess, some days I am wild child, and some days I am a fragile mess. Most days I am a bit of all three. But every day, I am here, trying. S. C. Lourie»*. Глаза, выглядывающие из-за какой-то неизвестной книги: *#book #booklover #life*. Сумочка «Прадо», задрапированная шифоном пудрового цвета (вероятно, где-то на витрине): *#Prada #bag #Pradabag #desire*. Фотография из Чикаго, вместе с Гвидо: *#work #lovemywork*. На всех, кроме этой, Мария Соле в одиночестве.

В среднем от пятнадцати до двадцати пяти лайков, семьдесят четыре подписчика, две тысячи пятьсот шесть подписок.

Анна залила водой чайный пакетик и присела на край стула. Ноги заледенели. Она вернулась к началу: аккаунт создан год и месяц назад, выкладываются примерно две фотки в месяц; подписки на актеров, звезд, певцов, спортсменов, моделей, модные бренды (среди них «Шанель», «Миссони», «Ив Сен Лоран», «Ральф Лорен», «Баленсиага»). Модели все то-

щие, бесполое, в чем только душа держится? Видны одни глаза – огромные, голубые или карие, подведенные карандашом или черной тушью. Животы впалые, руки-ноги костлявые.

– Мама, – донесся до нее голос Наталии.

Анна закрыла ленту и побежала к дочери. В голове мелькнуло, что, возможно, та зовет уже не в первый раз. Наталия разбудила Габриеле, и теперь они оба топтались в кровати, озираясь и глядя сквозь решетку какими-то невидящими глазами, точно слепые. Анна бросила взгляд на часы: они уже опаздывают в бассейн, надо бежать.

– Так, ребята, сейчас мама в темпе вальса все сделает, и все будет хорошо. Мы успеем, мы обязательно успеем вовремя.

Кора подготовила им сумку для бассейна. И полдник ждал в холодильнике – банан, нарезанный ломтиками, и яблоко (Анна придавала большое значение фруктам в рационе). Поменяв дочери подгузник, она закутала детей, точно эскимосов.

Малышку она усадила в детское кресло, а Габриеле пристегнула на заднем сиденье. По дороге напевала застрявший в голове мотив. Дети спокойно глядели в окно. Казалось, все ее прежние страхи испарились. Припарковавшись у спортклуба, они пошли в раздевалку и спешно переоделись. Никто не капризничал, все трое пребывали в какой-то удивительной гармонии. От теплого воздуха Анне стало совсем ком-

фортно. Она отвела детей в бассейн и препоручила тренеру Мануэле, внушительных размеров женщине, появлявшейся всегда в одном и том же костюме со штанинами до колен. Она поднимала деток в воздух, проносила на уровне глаз, легонько дула им в лицо, чтобы они задержали дыхание, и потом с ловкостью жонглера погружала их под воду на четыре-пять секунд и возвращала обратно. Изумленных и улыбающихся.

Анна поглядела на них минутку, потом устроилась на трибунах, достала телефон и, расстегнув верхние пуговицы на блузке, снова нырнула в соцсеть. И заметила одну вещь, которая от нее поначалу ускользнула. На фотографии с новогодней елкой Мария Соле была в струящихся брюках-алладинах серо-бежевого цвета. У Анны тоже были такие, но сидели они совершенно по-другому. Худоба этой женщины просто не укладывалась в голове. Анна вспомнила, что свои она купила в Лондоне, в универмаге «Кос», вскоре после рождения Наталии; они были там вместе с Гвидо. Это ноябрь две тысячи восемнадцатого? Он тогда сказал: «Дорогая, ты выглядишь как клоун» – и ее это задело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.